

Знакомая сцена светского приема развернулась перед глазами Цю Цзиньюй. Во главе стола сидел человек, который выглядел даже моложе ее самой, — это был генеральный менеджер филиала Го Минсян. Остальных присутствующих Цзиньюй уже успела вычислить: в основном это были менеджеры различных отделов и их помощники. Как только все расселись, Го Минсян принялся представлять ей каждого из них, и Цзиньюй с улыбкой пожимала им руки.

— Менеджер Цю, раз уж головной офис направил вас к нам, вы наверняка окажете нам огромную помощь, — Го Минсян намеренно рассыпался в любезностях. В конце концов, она была прислана из центра, и, пусть даже в должности всего лишь менеджера отдела, ходили слухи, что она обладает колоссальным опытом, особенно в планировании. А их сейчас больше всего беспокоила и волновала церемония открытия, запланированная через месяц: они совершенно не разбирались в правилах приглашения гостей. Тяньхэ стремился закрепить на этом участке земли, а для этого прежде всего нужно было наладить отношения с местными влиятельными фигурами. В бизнесе это был обязательный шаг, и здесь нельзя было допустить ни малейшей ошибки.

— Вы мне льстите, господин Го. Ваше гостеприимство ставит меня в неловкое положение, — вежливо ответила Цзиньюй, сохраняя имидж и достоинство сотрудника головного офиса.

— Раз уж мы теперь работаем вместе в Тяньхэ, давайте выпьем за это! Надеюсь, нас ждет долгое и успешное развитие в городе S, — закончив, Го Минсян первым поднял бокал, увлекая за собой остальных для общего тоста.

Банкет затянулся до десяти вечера. Вернувшись в отель, Цзиньюй чувствовала себя не лучшим образом из-за легкого опьянения. Она редко пила, но сегодня не стала отказываться. К счастью, астма не дала о себе знать, и это принесло ей огромное облегчение. Переодевшись в пижаму, Цзиньюй села в кресло на балконе с чашкой чая.

В городе S протекал древний канал. Хотя его уже давно не использовали для перевозок, он стал визитной карточкой города. Городские власти, разумеется, не обошли его вниманием при застройке: ряды ярких огней вдоль берегов превратили канал в подобие гигантского дракона, дремлющего в сердце мегаполиса. По воде то и дело проходили прогулочные суда, катавшие туристов, желающих полюбоваться ночной панорамой города. Цзиньюй невольно поддалась очарованию этого рукотворного пейзажа и сделала несколько снимков, но тут же вспомнила: с кем она может ими поделиться? Человек, который был ей дорог, теперь шел с ней разными путями. Издав печальный вздох, она положила телефон на стол и отпила чай. Как только хмель отступит, она сможет детально изучить готовый план мероприятий, полученный сегодня. Возможность, которую она с таким трудом выбила у компании, нужна была ей не для того, чтобы помочь им, а чтобы расставить ловушку. И тем, кто должен был в нее попасть, был Ван Фэньюй.

Когда Ли Гуань Сяо вернулась домой и повернула ключ в замке, внутри царил полная темнота. Она вспомнила, что Цзиньюй уехала в командировку. В пустой квартире стояла пугающая тишина. Гуань Сяо подумала, что даже одиннадцать вечера — это слишком рано. Устало расстегнув пуговицы рубашки, она бросила пиджак на диван. Несколько часов игры в притворство перед Хэ Юньфэном вымотали ее до предела. Она презирала себя за такую фальшь, но другого выбора у нее не было.

Сидя на диване, Гуань Сяо смотрела в ночное небо. В какой-то момент ей показалось, что на прозрачном оконном стекле проступила привычная улыбка Цзиньюй. Она резко выпрямилась и часто заморгала, но видение исчезло, оставив после себя лишь еще большее чувство одиночества.

— Цзиньюй, кажется, мы не общались уже почти сутки. Как это нелепо... что я так сильно по тебе скучаю, — Гуань Сяо насмешливо покачала головой. В этот момент экран телефона, лежавшего рядом, загорелся — звонил Хэ Юньфэн. Поколебавшись секунду, она все же ответила.

— Алло?

— Да, хорошо. Спасибо, что проводил. До завтра, — Гуань Сяо быстро закончила короткий разговор. Она чувствовала, что за сегодня сказала Хэ Юньфэну слишком много слов, и теперь ей не хотелось произносить ни звука. Неизвестно, сколько она пролежала неподвижно, прежде чем, волоча ноющие ноги, побрела в спальню. Завтра ей предстояло вернуться туда, где она выросла. Прошло семь лет, и после окончания университета она была там всего один раз. Она боялась возвращаться в тот полуразрушенный дом, боялась увидеть исхудавшую мать. Растущее чувство вины и ненависть могли лишить ее остатков рассудка.

Двое людей, потерянных и сбитых с толку, жили под одним небом, в разных городах, тоскуя друг по другу и одновременно отдаляясь.

Цзиньюй, страдавшая чутким сном, проснулась всего через четыре часа. Неизвестно почему, всю ночь ей снилось отчаявшееся лицо Гуань Сяо. Слезы на ее щеках еще не высохли, а в когда-то сияющих глазах застыл пепельно-серый цвет. Гуань Сяо стояла напротив, ее губы больше не улыбались. Она что-то кричала, надрываясь, но Цзиньюй не слышала ни звука. В конце концов Гуань Сяо перестала кричать, печально усмехнулась и, оцепенело развернувшись, побрела в бесконечную тьму. Цю Цзиньюй лишь стояла на месте, протягивая руки, но никак не могла до нее дотянуться. Это чувство беспомощности и ужаса снова всплыло в ее сознании, заставив проснуться в холодном поту. Проведя рукой по лбу, она почувствовала, как он весь покрыт испариной. Это дурное предчувствие, словно паразит, впившийся в кости, заставляло ее дрожать при одном лишь воспоминании. Она знала это чувство — оно было точно таким же, как много лет назад, когда она вернулась домой и увидела мать в луже крови.

Одной рукой она вцепилась в край одеяла, другой потянулась к телефону на тумбочке. На экране светилось четыре тридцать. Она плотно сжала губы, и ее дрожащий палец коснулся имени Гуань Сяо. В какой-то момент она замерла, но палец невольно нажал на вызов. Цзиньюй в панике сбросила звонок. Сердце бешено колотилось. Она была благодарна судьбе, что сейчас четыре утра — Гуань Сяо наверняка спит. Это осознание помогло ей постепенно успокоиться. Она отрешенно прислонилась к изголовью кровати, понимая, что уснуть больше не удастся.

Утреннее солнце, пробившееся сквозь окно гостиной, разбудило Гуань Сяо, спавшую на диване. Взглянув на настенные часы, она медленно поднялась. Вчера она так и не смогла уснуть в постели, поэтому решила остаться в гостиной, чтобы не видеть дверь напротив и не думать о том человеке.

Хэ Юньфэн приехал за Гуань Сяо точно в срок. Они договорились вместе поехать на поезде в ее родной город. Взяв небольшой чемодан, Гуань Сяо со смешанными чувствами спустилась вниз. Хэ Юньфэн, как всегда, с предельной заботой забрал у нее багаж и снова взял на себя роль водителя. Однако всю дорогу Гуань Сяо не проронила ни слова. Усталость, которую не удалось снять ночным отдыхом, стала еще ощутимее. Хэ Юньфэн, ведя машину, время от времени наблюдал за ней в зеркало заднего вида. Его обычная скромная и вежливая улыбка исчезла, уголки губ опустились, а брови слегка приподнялись, выражая расчетливость. Но Гуань Сяо этого не видела — ее заботило лишь то, как встретиться с матерью.

Цзиньюй просидела до восьми утра, а затем приняла душ, чтобы хоть на время отвлечься от кошмара. Стоя перед зеркалом и вытирая капли воды с лица, она коснулась пальцем тонкой розовой полоски на переносице. Легкое покалывание помогло ей взбодриться. Выдохнув, она нанесла легкий макияж, чтобы выглядеть свежей, и отправилась в компании, которые пометила вчера. Она решила, что сегодня необходимо встретиться с их руководителями и передать намерение Тяньхэ поддерживать хорошие отношения. Выполняя чужую работу, Цзиньюй своей активностью лишь пыталась скрыть тревогу. Вчерашний зловещий сон не давал ей покоя, поэтому она решила ускорить подготовку ловушки. Как только цель будет достигнута, она сможет сразу вернуться к Гуань Сяо. Даже если они не будут разговаривать, ей достаточно просто увидеть, что с той все в порядке.

Гуань Сяо сидела в вагоне поезда, а Хэ Юньфэн — напротив нее. Опершись подбородком на руку, она смотрела на быстро мелькающие за окном деревья. Хэ Юньфэн немного понаблюдал за ней, а затем протянул правую руку и схватил ее левую руку, лежавшую на столике. Гуань Сяо вздрогнула, выходя из оцепенения. Она смущенно попыталась вырваться, но обнаружила, что он держит ее очень крепко. Нахмурившись и встретившись с его бездонным, холодным взглядом, она увидела в его глазах гнев.

— Гуань Сяо, ты мне нравишься. Раз уж я еду с тобой домой, могу я сделать тебе предложение?

Этот внезапный вопрос ошеломил ее. Она широко открытыми глазами смотрела на этого мужчину. Они были знакомы всего месяц, а он уже заговорил о свадьбе. Это выглядело совершенно несерьезно. Хэ Юньфэн, словно прочитав ее мысли, тут же добавил:

— Если что-то нравится, нужно действовать быстро. Это мой стиль работы. Надеюсь, я тебя не напугал.

— Погоди, давай... давай пока не будем об этом... дай мне немного прийти в себя, — Гуань Сяо чувствовала, что это предложение в поезде звучит абсурдно. В голове все смешалось. В панике она толкнула дверь вагона и вышла в тамбур. Холодный воздух, прорвавшийся внутрь, немного охладил ее пыл. В этот миг она внезапно поняла чувства Цзиньюй: когда ты чем-то обязана человеку, чувство вины загоняет тебя в тупик, из которого нет выхода. Этот человек словно вбит гвоздем в твое сердце, постоянно напоминая о необходимости быть благодарной. Гуань Сяо сама оказалась в такой же ловушке.

Все вокруг казалось обыденным, но она впервые по-настоящему ощутила, что такое бессилие.

На дорогу до городка ушло два дня, а до дома Гуань Сяо нужно было еще два часа добираться на автобусе. Вокруг простирались сельские пейзажи: белые стены, небольшие домики, уединенные дворики. Старый автобус нещадно трясло на выбоинах в бетонной дороге. Гуань Сяо с извиняющимся видом посмотрела на Хэ Юньфэна, сидевшего рядом, но он уставился в окно. На его лице не было никаких эмоций — ни пренебрежения, ни симпатии.

Гуань Сяо отвернулась. Если он увидит, в каких условиях она живет, даже его каменное лицо наверняка дрогнет. После двухчасовой тряски она вышла с чемоданом, повела Хэ Юньфэна по узким полевым тропинкам и за небольшим холмом увидела старый кирпичный дом, который выглядел уже не так, как в ее воспоминаниях.

Она постояла перед калиткой, колеблясь, и наконец толкнула деревянную дверь. Двор был пуст, словно здесь никто не жил много лет. Никаких признаков жизни. Места, где раньше хранились сельскохозяйственные инструменты, теперь пустовали. Гуань Сяо, стоя с Хэ Юньфэном посреди двора, позвала:

— Мам?

Ответа не последовало. Она позвала еще несколько раз, но тишина была ответом.

— Может, ее нет дома? — предположил Хэ Юньфэн.

— Нет, в такое время мама должна быть дома, — Гуань Сяо решительно отвергла его догадку. Не увидев мать, она почувствовала, как сердце ухнуло вниз. Она поспешила к запертой входной двери, заколотила в нее, но снова — тишина. Хэ Юньфэн, стоявший позади, не пытался ее остановить. Когда Гуань Сяо в беспомощности обернулась к нему, его взгляд, до этого напоминавший наблюдение за представлением, тут же сменился на безразличный.

— Как же так, никого нет? Мам? Мама! — Гуань Сяо в отчаянии выбежала со двора, озираясь по сторонам, но соседские дома тоже были плотно закрыты. По памяти она побежала к новому трехэтажному дому справа и заколотила в железные ворота: — Дядя Чэнь, вы дома?

Не дождавшись ответа, она ударила еще сильнее. После четвертого удара дверь открылась. На пороге стоял настороженный мужчина средних лет. Взглянув на Гуань Сяо, он поморщился от отвращения и раздраженно крикнул на диалекте:

— Чего стучишь? Кто ты такая?

Гуань Сяо постаралась смягчить голос, чтобы он звучал дружелюбно:

— Я младшая дочь семьи Ли, Ли Гуань Сяо. Я раньше часто играла у ваших ворот.

Мужчина задумался и хлопнул себя по лбу, его выражение лица стало мягче:

— Гуань Сяо? А я думал, это те люди...

— Вы ведь Сяо Хэй, верно? Столько лет не виделись. Кстати, хочу спросить: вы не знаете, куда делась моя мама? — Гуань Сяо знала, о каких людях он говорил, поэтому не стала тратить время на пустые разговоры и перешла к делу.

— Тетя Чжан? Ее несколько дней назад забрал твой старший брат, — ответил простодушный старший сын семьи Чэнь.

Как только Гуань Сяо узнала, где мать, она бросилась к дому брата. Она понимала, что случилось что-то серьезное, раз брат приехал за ней. Мать когда-то говорила ей: она не покинет старый дом, пока не умрет.

Хэ Юньфэн, не жалуясь, следовал за ней, внимательно и с непонятым выражением наблюдая за ней. Пройдя еще полчаса по полям, они добрались до дома брата. Солнце уже склонялось к закату. Вспотевшая Гуань Сяо не обращала внимания на усталость. Она постучала, и дверь открыла невестка. Она окинула Гуань Сяо взглядом, как незнакомку, а затем, словно вспомнив что-то, спросила:

— Ты Гуань Сяо?

— Невестка, это я. Где мама?

Женщина, похожая на сельскую жительницу, позвала вглубь дома. Вскоре перед Гуань Сяо появился типичный деревенский мужчина с лицом, изборожденным морщинами от тяжелой работы под солнцем.

— Брат, где мама? — Гуань Сяо смотрела на брата, которого не видела много лет, и ее чувства были крайне сложными. Мужчина, увидев младшую сестру, не знал, что сказать. Он стоял на пороге, потирая грубые руки, неуверенно произнес ее имя и добавил: — Мама лежит в комнате.

— Мам, что случилось? — дурное предчувствие снова охватило ее.

— Мама... больна, — ответил Ли Гуаньхань, рослый мужчина, чей голос сейчас звучал едва слышно. Он боялся, что сестра, увидев мать, начнет его винить. Гуань Сяо, глядя на опущенную голову брата, поняла, что дело плохо. Отодвинув занавеску, она вошла внутрь и увидела лежащую на кровати слабую мать.

— Мам, это я, Гуань Сяо. Я вернулась, — Гуань Сяо со слезами на глазах села на край кровати. Старушка услышала ее голос и медленно открыла мутные глаза.

— Гуань Сяо... — долгое время она не могла вымолвить больше ни слова, губы ее дрожали.

— Как же так? Мам? Ведь когда мы созванивались, все было хорошо? — Гуань Сяо перевела взгляд на брата, который вошел следом.

— В тот день... маму толкнули. Сначала она не почувствовала ничего особенного, а на следующий день ей стало плохо... — невнятно пробормотал Ли Гуаньхань, которому не хватало слов.

Гуань Сяо резко обернулась:

— Почему не повезли в больницу?

Ли Гуаньхань промолчал, не зная, что ответить. Он хотел отвезти мать, но жена не позволила: в больнице нужны деньги, а гарантий выздоровления нет.

— Брат, как ты за ней ухаживал? Разве так можно? Где деньги, которые я присылала? — Гуань Сяо вскочила со стула. Она не знала, что половина денег, которые она посылала, оседала в карманах брата.

— Ой-ой! Как ты разговариваешь! Это что, вина твоего брата? Все из-за твоего отца-ублюдка! — в разговор вмешалась невестка. Эта острая на язык деревенская баба была известна своим сварливым нравом. С самого начала Гуань Сяо не любила ее.

— Денег, которые я присылала, хватило бы на больницу! Почему вы ее не повезли?! — Гуань Сяо чувствовала, что теряет контроль над собой.

— Даже если бы повезли, не факт, что вылечили бы. Лучше пусть отдыхает дома.

— Разве отдых поможет? Мама при смерти! Брат, ты знаешь, что это несыновний долг?! — Гуань Сяо посмотрела на брата, но тот лишь покорно молчал, прячась за спину жены.

— Ха, ты учишь своего брата сыновнему долгу? Ты сама-то достойна? Семья из последних сил кормила тебя, чтобы ты закончила университет, все лучшее отдавали тебе, а ты, неблагодарная тварь, семь-восемь лет не показывалась! Это ты называешь сыновней любовью? По сравнению с братом, кто ты такая? — невестка, вопя во весь голос, ткнула пальцем в лицо Гуань Сяо.

— Я... дайте деньги, я сама повезу маму в больницу! — Гуань Сяо знала, что невестка права, и каждое слово отзывалось в ее сердце кровавой раной.

— Денег нет, — отрезала сварливая женщина.

— Нет денег? Где деньги?! — Гуань Сяо с ужасом посмотрела на брата. В этот момент ее словно осенило. — Ли Гуаньхань! Ты посмел забрать деньги, отложенные на старость матери! Мало того, что вы палец о палец не ударили, чтобы ухаживать за ней, так вы еще и на эти копейки позарились?! Чтоб вы сдохли! — Гуань Сяо готова была наброситься на них с кулаками.

— Твой отец-ублюдок — вот кто должен сдохнуть! Иди и убей его!

— Не тебе решать, кому жить, а кому умирать! Отдайте деньги! — Ли Гуань Сяо, словно разъяренная львица, готова была вцепиться в них.

Хэ Юньфэн, все это время наблюдавший за сценой, решил, что момент настал. Он шагнул вперед, делая вид, что пытается удержать Гуань Сяо. В этот момент мать на кровати позвала ее по имени. Гуань Сяо тут же затихла, бросилась к матери и, опустившись на колени, схватила ее сухую ладонь, заливаясь слезами. Огромное чувство вины душило ее.

— Гуань Сяо... мама... еще видит тебя... я довольна... — голос старушки был хриплым и слабым. Гуань Сяо рыдала. — Мам, прости... прости... я была неправа... мам...

— Гуань Сяо... мама знает... тебе тяжело... не вини... брата.

Старушка пошевелила пальцами, пытаясь сжать руку дочери, но сил не было. Она знала о страданиях своей младшей дочери вдали от дома. Гуань Сяо никогда не жаловалась, всегда весело говорила по телефону, присылала деньги и даже отдавала долги, которые оставил после себя отец. Она жила тяжело, жалко. Мать понимала, что Гуань Сяо делает это, чтобы те люди не приходили к ним. Другого выхода просто не было.

Мать с грустью смотрела на Гуань Сяо, а затем ее взгляд упал на Хэ Юньфэна, стоявшего позади. Она пошевелила губами, словно хотела что-то сказать. Гуань Сяо поняла ее без слов и представила:

— Мам, это Хэ Юньфэн, мой... парень... — последние слова она произнесла тише, надеясь, что мать порадуется тому, что у нее есть человек, который может о ней позаботиться. Хэ Юньфэн кивнул, не отрицая, но и не подтверждая слов Гуань Сяо.

— Гуань Сяо... хороший ребенок, — сказала старушка, обращаясь к Хэ Юньфэну, и тот послушно кивнул.